

ПРАВО

УДК 343.953

Р.Л. Ахмедшин

О ПОНЯТИИ И ВИДАХ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО КОНТАКТА И ТАКТИКЕ ЕГО ДОСТИЖЕНИЯ В ХОДЕ СЛЕДСТВЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ

Анализируется криминалистическая природа психологического контакта. Разнообразие точек зрения оценивается посредством анализа эффективности тактических приемов, основанных на этих точках зрения. Утверждается, что ценность понимания объекта криминалистического знания вообще и психологического контакта в частности определяется, во-первых, возможностью последующего эффективного применения этого знания и, во-вторых, объяснением его природы.

Ключевые слова: допрос; психологический контакт; типология личности; акцентуации; тактический прием.

Системообразующим элементом, предопределяющим эффективное решение задач, стоящих перед допросом, является достижение следователем состояния психологического контакта с допрашиваемым. Следовательно, разработка системы тактических приемов предполагает уяснение целей установления психологического контакта в процессе допроса. В вопросе понимания природы и целевого содержания феномена психологического контакта мнение исследователей разделилось и представлено несколькими подходами.

Сторонники первого подхода полагают, что психологический контакт – это форма оптимального взаимодействия следователя и допрашиваемого. Рассматриваемой форме психологического контакта между участниками допроса в полном объеме присущи элементы эмоционального взаимодействия, построенного на взаимопонимании и взаимопомощи, когнитивная составляющая сводится к пониманию позитивных сил, движущих участниками допроса. Ярким сторонником данного подхода является Н.И. Порубов, рассматривающий психологический контакт как «систему взаимодействия людей между собой в процессе их общения, основанного на доверии: информационный процесс, при котором люди могут и желают воспринимать информацию, исходящую друг от друга. Психологический контакт – это, наконец, процесс взаимного понимания» [1. С. 73]. Данная позиция исходит прежде всего из эмпатийной составляющей взаимодействия, опирающейся на эмоционально-оценочную компоненту в понимании того, что недопустимо рассматривать допрос как борьбу, конфликт, поскольку такая оценка данного следственного действия предопределяет проникновение в процесс уголовного судопроизводства незаконных и неэтичных методов воздействия [2. С. 49, 55].

Без сомнения, с точки зрения общих этических начал и положений профессиональной (следственной) этики рассматриваемое понимание природы психологического контакта наиболее оптимально. В теории именно данное понимание составляет суть взаимодействия лиц с выраженным антагонистическими установками. Следователь в своей деятельности ориентирован на раскрытие и расследование преступного события, на получение информации, основываясь на которой суд предопределит виновному определенный

объем лишений. Обвиняемый, в случае если он действительно совершил преступление, крайне незаинтересован в объективном рассмотрении своего дела, желая либо полностью, либо частично смягчить последствия эффективной работы следователя. Если обвиняемое лицо и лицо, совершившее преступление, не совпадают, то в ходе допроса воспринимать следователя как человека, пытающегося разобраться в перипетиях уголовного дела, обвиняемому субъективно сложно, негативное восприятие следователя в такой ситуации скорее показатель неестественно развитого аналитического уровня обвиняемого. Следователю воспринимать положительно человека, который активно противодействует ему, даже без учета склонности к обвинительному уклону, проистекающему из профессиональной деформации первого, также проблематично.

Не стоит полагать, что антагонистические установки свойственны только недобросовестным обвиняемым, подозреваемым и иным участникам допроса с одной стороны, и следователю с другой. Добросовестный свидетель, как и добросовестный потерпевший, находящийся под угрозой санкций ст. 307 УК РФ (Заведомо ложные показания, заключение эксперта, специалиста или неправильный перевод), также не может доверять следователю полностью и чувствовать во взаимодействии с ним участие в «процессе взаимного понимания».

Абсурдность ситуации эмоционального взаимопонимания антагонистических сторон, естественно, обуславливает либо абсурдность приемов достижения этого состояния, либо ярко выраженный характер обмана, составляющий содержание тактических приемов по достижению этого мифического психологического контакта.

Таким образом, обе стороны объективно не имеют выраженной возможности к позитивному восприятию друг друга, эмоционально сопереживать друг другу и ориентироваться на «общение, основанное на доверии».

Недостижимость эмоционального взаимопонимания в большинстве случаев объективно накладывает свой отпечаток на содержание тактических приемов его достижения.

Даже поверхностный анализ тактических приемов, направленных на достижение психологического кон-

такта в рассматриваемом понимании, демонстрирует нам их предельную неконкретность и спорную реализуемость. Какова тактическая ценность предваряющей следственное действие рекомендуемой многими криминалистами беседы на близкую допрашиваемому тему? Стремящаяся к нулю. Данная тактическая рекомендация не включает в себя способ получения информации о том, какая тема близка допрашиваемому. Такая рекомендация не включает в себя понимание готовности обсуждения конкретной темы с конкретным лицом (следователем). Такая рекомендация не включает в себя понимание следователем готовности обсуждения конкретной темы в конкретных условиях (кабинете следователя, в месте жительства допрашиваемого, в месте его работы или на «нейтральной» территории).

Если исследователь-криминалист будет утверждать, что ответ на все эти вопросы – удел следователя, адаптирующего конструкцию теоретического приема в реальную жизнь, то логичен вопрос – а зачем вообще нужен исследователь-криминалист? Для того, чтобы формулировать понятные любому разумному человеку рекомендации, облачив их в научные формулы? Или все-таки для того, чтобы разработать детализированный алгоритм тактического воздействия на лицо в определенной ситуации.

Вероятно, для того чтобы скрыть содержательную пустоту многих конкретных тактических приёмов, в теории криминастики «придумано» понятие тактической комбинации. Напомним, что тактическая комбинация – это определенное сочетание тактических приемов или следственных действий, преследующее цель решения конкретной задачи расследования и обусловленное этой целью и следственной ситуацией. В теории это правильно и логично. Но даже в практике криминалистических исследований видно, что понятие «тактическая операция» выполняет либо функцию простого суммирования нескольких неконкретных по содержанию (т.е. отвечающих на вопрос «что?», а не «как?») приемов, либо функцию увеличения объема текста диссертационных исследований, реализованную в процессе очередных абстрактных рассуждений о природе и функциях тактико-криминалистического инструментария.

Повторим уже не раз ранее озвученное – в рамках понимания психологического контакта как формы эмоционального взаимопонимания и взаимосопререживания разработать содержательно полноценные тактико-криминалистические рекомендации крайне проблематично, если вообще возможно.

Сторонники второго подхода полагают, что психологический контакт – это форма активного взаимодействия следователя и допрашиваемого, безотносительно эмоционального отношения сторон друг к другу. Содержанием психологического контакта в рассматриваемом случае выступает готовность к совместной деятельности допрашивающего и допрашиваемого, пусть и в возможной конфликтной форме. Для данной формы психологического контакта в полном объеме характерны элементы критической оценки собеседниками друг друга.

В рамках рассматриваемого подхода психологический контакт определяется как «согласованное дело-

вое взаимоотношение следователя со свидетелем, потерпевшим, подозреваемым и обвиняемым, которое возникает на основе правильной позиции следователя и поведения допрашиваемого» [3. С. 12]. В.Л. Васильев видит такую цель психологического контакта в нахождении общих интересов следователя и допрашиваемого, т.е. в переходе в процессе допроса от психологического «я» к психологическому «мы» [4. С. 37–40]. Данные позиции исходят прежде всего из деятельностной составляющей взаимодействия, опиравшейся на рационально-оценочную компоненту.

Говоря о достижении психологического контакта в качестве формы активного взаимодействия следователя и допрашиваемого, безотносительно эмоционального отношения сторон друг к другу, можно вести речь о двух различающихся способах.

Первый способ сводится к созданию у допрашиваемого положительно окрашенного образа следователя. Он достигается посредством рекомендаций вести себя привычным образом для допрашиваемого, но понятно, что моделировать тысячи оптимальных сценариев взаимодействия с конкретным человеком на допросе или в иной ситуации не целесообразно. Речь идет о типовых поведенческих алгоритмах взаимодействия, каждый из которых комфортен конкретному типу личности, количество которых достаточно ограничено. В своих предыдущих работах мы говорили, что для достижения криминалистически значимых задач исследования личности оптимальна доработанная типология акцентуированных типов [5. С. 49–55].

В целом на уровне определения общей динамики взаимодействия с допрашиваемым необходимо знание модели комфорtnости взаимодействия каждого типа личности с другими людьми, а именно:

– Допрашиваемый-гипертим. Предпочитаемый им темп допроса – быстрый. Комфортно воспринимаемое отношение к следователю – на грани фамильярности. Переключение с одного аспекта выявляемого события на другой – легкое. Потребность в эмоциональном отзыве – средняя. Готовность вступления в психологический контакт – высокая; стремление к четкому, детальному изложению обстоятельств – низкое; способность к последовательному изложению обстоятельств – низкая.

– Допрашиваемый-истероид. Предпочитаемый им темп допроса – средний. Комфортно воспринимаемое отношение к следователю – личностное. Переключение с одного аспекта выявляемого события на другой – среднее. Потребность в эмоциональном отзыве – высокая. Готовность вступления в психологический контакт – высокая; стремление к четкому, детальному изложению обстоятельств – среднее; способность к последовательному изложению обстоятельств – средняя.

– Допрашиваемый-шизоид. Предпочитаемый им темп допроса – медленный. Комфортно воспринимаемое отношение к следователю – отстраненное. Переключение с одного аспекта выявляемого события на другой – затрудненно. Потребность в эмоциональном отзыве – низкая. Готовность вступления в психологический контакт – низкая; стремление к четкому, детальному изложению обстоятельств – низкое; способ-

ность к последовательному изложению обстоятельств – средняя.

– Допрашиваемый-эпилептоид. Предпочитаемый им темп допроса – средний. Комфортно воспринимаемое отношение к следователю – статусное. Переключение с одного аспекта выявляемого события на другой – легкое. Потребность в эмоциональном отзыве – средняя. Готовность вступления в психологический контакт – средняя; стремление к четкому, детальному изложению обстоятельств – высокое; способность к последовательному изложению обстоятельств – высокая.

– Допрашиваемый-параноид. Предпочитаемый им темп допроса – средний. Комфортно воспринимаемое отношение к следователю – нейтральное. Переключение с одного аспекта выявляемого события на другой – затруднено. Потребность в эмоциональном отзыве – низкая. Готовность вступления в психологический контакт – средняя; стремление к четкому, детальному изложению обстоятельств – высокое; способность к последовательному изложению обстоятельств – средняя.

– Допрашиваемый-гипотим. Предпочитаемый им темп допроса – медленный. Комфортно воспринимаемое отношение к следователю – нейтральное. Переключение с одного аспекта выявляемого события на другой – среднее. Потребность в эмоциональном отзыве – средняя. Готовность вступления в психологический контакт – средняя; стремление к четкому, детальному изложению обстоятельств – среднее; способность к последовательному изложению обстоятельств – средняя.

– Допрашиваемый-циклоид. Предпочитаемый им темп допроса – быстрый. Комфортно воспринимаемое отношение к следователю – нейтральное. Переключение с одного аспекта выявляемого события на другой – легкое. Потребность в эмоциональном отзыве – низкая. Готовность вступления в психологический контакт – низкая; стремление к четкому, детальному изложению обстоятельств – низкое; способность к последовательному изложению обстоятельств – высокая.

– Допрашиваемый-застраевающий. Предпочитаемый им темп допроса – средний. Комфортно воспринимаемое отношение к следователю – формальное. Переключение с одного аспекта выявляемого события на другой – затруднено. Потребность в эмоциональном отзыве – средняя. Готовность вступления в психологический контакт – средняя; стремление к четкому, детальному изложению обстоятельств – высокое; способность к последовательному изложению обстоятельств – высокая.

– Допрашиваемый-сензитив. Предпочитаемый им темп допроса – средний. Комфортно воспринимаемое отношение к следователю – личностное. Переключение с одного аспекта выявляемого события на другой – среднее. Потребность в эмоциональном отзыве – высокая. Готовность вступления в психологический контакт – высокая; стремление к четкому, детальному изложению обстоятельств – среднее; способность к последовательному изложению обстоятельств – средняя.

– Допрашиваемый-конформный. Предпочитаемый им темп допроса – средний. Комфортно воспринимаемое отношение к следователю – личностное. Пере-

ключение с одного аспекта выявляемого события на другой – среднее. Потребность в эмоциональном отзыве – высокая. Готовность вступления в психологический контакт – высокая; стремление к четкому, детальному изложению обстоятельств – среднее; способность к последовательному изложению обстоятельств – средняя.

Особенности поведения каждого человека, откладывающиеся от типовых, выявляются в процессе анализа результатов его поведения [6] и также ситуационно заимствуются следователем.

Второй способ базируется на создании иллюзии у допрашиваемого сродства со следователем, идентичности их внутреннего мира и основных установок. Реализацией рассматриваемого способа является «зеркаливание» следователем собеседника. Конечно, речь необходимо вести не о банальном повторении жестов и фраз допрашиваемого, хотя, конечно, на небольшом количестве неуверенных или находящихся в состоянии сильной ситуационной тревоги лиц может сработать и это. Говоря о «зеркаливании», т.е. демонстрации следователем своей психической идентичности ему, мы подразумеваем использование неосознаваемых контрагентом следователя речевых символов, наиболее комфортных для допрашиваемого. Исследования Т.А. Алексеевой показали, что каждый тип личности характеризуется склонностью к использованию определенного комплекса речевых символов, на которых строятся позитивные установки мировосприятия и деятельности [7, 8]. Именно использование данных символов следователем формирует у допрашиваемого психологически комфортную установку на взаимодействие его со следователем.

Сторонники третьего подхода полагают, что психологический контакт – это форма минимального взаимодействия следователя и допрашиваемого, определяющая возможность получения следователем от допрашиваемого криминалистически значимой информации о преступном событии. В рассматриваемом случае под психологическим контактом подразумевается не столько эмоциональная составляющая, как в первом подходе, не столько коммуникативная составляющая взаимодействия сторон, как во втором подходе, сколько составляющая информационная. Сторонники рассматриваемого подхода в понятие «психологический контакт» включают возможность следователя в одностороннем порядке получать информацию от допрашиваемого.

Если следователь сможет получать информацию, анализируя, к примеру, ритмику дыхания допрашиваемого или движения его глазных яблок, жестикуляцию или проявления вегетативных реакций, то с позиций третьего подхода можно говорить о наличии психологического контакта. В явном виде третья позиция в литературе не описывалась, хотя, в частности, А.Б. Соловьев указывает, что в известном смысле психологический контакт «носит односторонний характер: следователь стремится получить как можно больше информации от допрашиваемого и сам не заинтересован в обнародовании имеющихся в его распоряжении данных по делу» [9. С. 42].

Как становится понятным, достижение психологического контакта как минимального взаимодействия

следователя и допрашиваемого, определяющего возможность получения первым криминалистически значимой информации о преступном событии, наиболее актуально для выраженных конфликтных ситуаций допроса, когда допрашиваемый избирает тактику отказа от дачи показаний. В подобной ситуации для следователя актуальна любая криминалистически значимая информация, даже не имеющая возможности быть закреплённой в рамках этого (проводимого) следственного действия.

К громадному сожалению, тактический потенциал современной криминалистики в области взаимодействия в рамках психологического контакта крайне мал. К тому же он не просто не признан криминалистическим сообществом как актуальный, но и имеющиеся в этой области тактические разработки регулярно подвергаются агрессивной критике со стороны исследователей-криминалистов, традиционно сконцентрированных на исследовании теоретических криминалистических проблем.

Положительным является медленное признание сегодня некоторыми криминалистами актуальности исследования проблем разнообразных техник профайлинга, использование которых в тактическом аспекте наиболее характерно как раз в рамках третьего понимания природы психологического контакта.

Профайлинг в сегодняшнем понимании – понятие, появившееся не так давно, которое несколько нарушило существующую стройную терминологическую картину в области использования знаний о человеке в процессе расследования. Лингвистически профайлинг – транскрипция термина «профилирование» (*profiling*), который, по сути, является дублированием этого термина. Вспомним, что проблема отсутствия согласованной терминологии – одна из центральных для криминалистического профилирования [10. С. 7]. Что же такое профайлинг, каковы обоснованность и необходимость существования данного термина?

Под профайлингом понимается «система социально-психологических методов и методик диагностики комплекса личностных черт, включая декларируемые

и скрываемые мотивы и стремления» [11. С. 8–9]. Содержательно в профайлинг включают:

- методику построения психологического профиля по результатам анализа места происшествия;
- методику анализа эмоционального состояния по результатам анализа его неверbalной составляющей (жестикуляции и мимики);
- методику определения неистинности показаний по результатам анализа его невербальной составляющей (жестикуляции и мимики) [12. С. 8–19; 13. С. 158–163].

Как легко можно понять, в содержание профайлинга включили совершенно разновекторную познавательную деятельность, объединенную только общими признаками механизма выражения внутреннего психологического напряжения вовне. Именно методики профайлинга позволяют сконструировать тактические приемы достижения психологического контакта как формы минимального взаимодействия следователя и допрашиваемого, определяющей возможность получения следователем от допрашиваемого криминалистически значимой информации о преступном событии.

В завершении отметим, что правильнее говорить не о трех пониманиях природы психологического контакта, а о трех его типовых проявлениях. Необходимо только помнить, что психологический контакт как форма оптимального взаимодействия (первая форма) на практике встречается очень редко. Психологический контакт как форма минимального взаимодействия (третья форма) следователя и допрашиваемого требует достаточно отработанных навыков в области анализа поведенческих реакций в процессе включенного наблюдения.

Психологический контакт как форма активного взаимодействия (вторая форма) следователя и допрашиваемого встречается в большинстве ситуаций допроса и требует специальных навыков гораздо в меньшей степени, чем в ситуации, характеризующейся минимальной степенью взаимодействия. Таким образом, сегодня в криминалистике актуально увеличение тактических приемов оптимизации второй формы психологического контакта.

ЛИТЕРАТУРА

1. Порубов Н.И. Допрос в советском уголовном процессе. Минск : Вышэйшая школа, 1973. 368 с.
2. Следственная тактика: учеб. пособие / под ред. И.Ф. Пантелеева. М. : Изд-во ВЮЗИ, 1982. 77 с.
3. Доспупов Г.Г. Психология допроса на предварительном следствии. М. : Юридическая литература, 1976. 112 с.
4. Психология труда следователя : метод. рекомендации / [сост. В.Л. Васильев]. Л. : Ин-т усовершенствования следственных работников, 1988. 70 с.
5. Ахмедшин Р.Л. Тактика экспериментальных следственных действий. М. : Юрлитинформ, 2017. 320 с
6. Алексеева Т.А., Ахмедшин Р.Л., Юань В.Л. Полноструктурная модель механизма отражения личности в следах преступления // Вестник Томского государственного университета. 2015. № 397. С. 197–203.
7. Алексеева Т.А. Криминалистическая характеристика содержательности как структурного элемента устной речи // Вестник Томского государственного университета. 2014. № 378. С. 159–161.
8. Алексеева Т.А. Индивидуализация тактических приемов при производстве допроса: поддержание психологического контакта // Вестник Томского государственного университета. 2015. № 399. С. 156–159.
9. Соловьев А.Б. Допрос свидетеля и потерпевшего. М. : Юридическая литература, 1974. 128 с.
10. Каразей О.Г. Теория и практика моделирования личности неустановленного преступника (на примере расследования серийных изнасилований и насилиственных действий сексуального характера) : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Минск, 2008. 25 с.
11. Статный В.М., Спирица Е.В., Иванова А.М. Применение технологии профайлинга в деятельности органов внутренних дел. М. : ДГСК МВД России, 2014. 120 с.
12. Арпентьева М.Р. Профайлинг как экспертная технология // Комплексная психолого-физиологическая экспертиза: современное состояние и перспективы развития. Калуга : КГУ им К.Э. Циолковского, 2016. С. 8–19.
13. Моисеева И.Г. Комплексная психолого-физиологическая экспертиза как направление профайлинга // Комплексная психолого-физиологическая экспертиза: современное состояние и перспективы развития. Калуга : КГУ им К.Э. Циолковского, 2016. С. 158–163.

Статья представлена научной редакцией «Право» 22 июля 2019 г.

On the Concept and Types of Psychological Contact and the Tactics of Its Establishment in the Course of Investigative Actions

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2019, 445, 192–196.

DOI: 10.17223/15617793/445/29

Ramil L. Akhmedshin, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: raist@sibmail.com

Keywords: interrogation; psychological contact; personality typology; accentuation; tactical technique.

The article reveals a set of theoretical and practical problems in the field of interrogation tactics: in the establishment of psychological contact with the person being interrogated. The range of problems affects the procedural, methodological, tactical, forensic and psychological aspects. A variety of points of view is evaluated by analyzing the effectiveness of tactics based on these points of view. The subject of the study was the relationship between the understanding of psychological contact and tactical methods of establishing it. In the conducted research, the following general scientific methods were used: analysis, synthesis, a system-structural method. The following specific scientific methods were used: biographical analysis, statistical analysis, expert evaluation, a comparative historical method. The author made the following conclusions. Tactical methods of establishing psychological contact are determined by the understanding of its nature. In case psychological contact is considered as a form of an optimal interaction between the investigator and the person being interrogated, the tactical potential is extremely small. Even a superficial analysis of tactical techniques aimed at establishing psychological contact in the considered understanding demonstrates their utmost vagueness and debatable realizability. In case psychological contact is considered as a form of active interaction between the investigator and the person being interrogated, the tactical potential is extremely diverse. In modern forensic science it is important to increase the tactics of establishing this form of psychological contact. There are two different ways to do this. The first method is to create a positive image of the investigator in the interrogated person. It is achieved by recommending the investigator to behave in a way that is customary for this person. The second method is based on creating the illusion of the identity of the person being interrogated with the investigator, the identity of their inner world and basic attitudes. The implementation of this method is the “mirror” technique. In case psychological contact is considered as a form of minimal interaction between the investigator and the person being interrogated, the tactical potential is extremely demanding to the professional level of the investigator and is represented by various profiling techniques.

REFERENCES

1. Porubov, N.I. (1973) *Dopros v sovetskem ugovolovnom protsesse* [Interrogation in the Soviet criminal trial]. Minsk: Vysheyshaya shkola.
2. Panteleev, I.F. (ed.) (1982) *Sledstvennaya taktika* [Investigative tactics]. Moscow: Izd-vo VYuZI.
3. Dospulov, G.G. (1976) *Psichologiya doprosa na predvaritel'nom sledstviu* [Psychology of interrogation at the preliminary investigation]. Moscow: Yuridicheskaya literatura.
4. Vasil'ev, V.L. (1988) *Psichologiya truda sledovatelya: metod. rekomendatsii* [The psychology of the work of the investigator: methodological recommendations]. Leningrad: In-t usovershenstvovaniya sledstvennykh rabotnikov.
5. Akhmedshin, R.L. (2017) *Taktika eksperimental'nykh sledstvennykh deystviy* [The tactics of experimental investigative actions]. Moscow: Yurlitinform.
6. Alekseeva, T.A., Akhmedshin, R.L. & Yuan', V.L. (2015) A full-structured model of the personality reflection mechanism in the traces of a crime. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 397. pp. 197–203. (In Russian). DOI: 10.17223/15617793/397/31
7. Alekseeva, T.A. (2014) The criminalistic description of richness of content as a structural element of speech. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 378. pp. 159–161. (In Russian). DOI: 10.17223/15617793/378/27
8. Alekseeva, T.A. (2015) Individualization of tactics in the production of interrogation: maintaining psychological contact. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 399. pp. 156–159. (In Russian). DOI: 10.17223/15617793/399/26
9. Solov'ev, A.B. (1974) *Dopros svidetelya i poterpevshego* [Interrogation of the witness and the victim]. Moscow: Yuridicheskaya literatura.
10. Karazey, O.G. (2008) *Teoriya i praktika modelirovaniya lichnosti neustanovlennogo prestupnika (na primere rassledovaniya seriynykh iznislivaniy i nasil'stvennykh deystviy seksual'nogo kharaktera)* [Theory and practice of modeling the identity of an unidentified criminal (on the example of an investigation of serial rape and sexual assault)]. Abstract of Law Cand. Diss. Minsk.
11. Statnyy, V.M., Spiritsa, E.V. & Ivanova, A.M. (2014) *Primenenie tekhnologii profaylinga v deyatel'nosti organov vnutrennikh del* [The use of profiling technology in the activities of internal affairs bodies]. Moscow: DGSK MVD Rossii.
12. Arpent'eva, M.R. (2016) [Profiling as an expert technology]. *Kompleksnaya psikhologo-fiziologicheskaya ekspertiza: sovremennoe sostoyanie i perspektivy razvitiya* [Integrated psychological and physiological examination: current status and development prospects]. Proceedings of the International Conference. Kaluga: Kaluga State University. pp. 8–19. (In Russian).
13. Moiseeva, I.G. (2016) [Integrated psychological and physiological examination as a direction of profiling]. *Kompleksnaya psikhologo-fiziologicheskaya ekspertiza: sovremennoe sostoyanie i perspektivy razvitiya* [Integrated psychological and physiological examination: current status and development prospects]. Proceedings of the International Conference. Kaluga: Kaluga State University. pp. 158–163. (In Russian).

Received: 22 July 2019